

УПОТРЕБА ПАДЕЖНИХ ОБЛИКА

Милорадовић, Софија. *Употреба падежних облика у говору Параћинског Поморавља: балканистички и етномиграциони аспект*. Београд, 2003. 365 стр. (Српска академија наука и уметности. Етнографски институт. Посебна издања. Књ. 50.)

Сербска диалектологическа литература, благодаря трудолюбию и таланту создающих ее коллег одна из богатейших в Европе, пополнилась еще одной книгой – монографическим исследованием Софии Милорадович о падежном синтаксисе косовско-ресавского говора Парачинского Поморавья. Диалектный синтаксис, „золушка, многих других диалектологических традиций, разрабатывается сербскими учеными, и не в последнюю очередь автором рецензируемой книги (см., напр. Ракић-Милојковић 1995), в последние годы особенно интенсивно (в частности, благодаря интересу, который проявляли и проявляют к этой области такие выдающиеся исследователи, как Павле Ивич, Милка Ивич и Зуанна Тополинска, а в более новое время – их более молодые коллеги Радое Симич, Слободан Реметич, Слободан Павлович, Радиво Младенович и др.).

Книга имеет ясную и отчетливую структуру. Во „Введении“ (с. 13-35) автор сообщает основные сведения о географических характеристиках региона, его истории и этническом составе населения, истории изучения его говора. Особое значение имеют подразделы, посвященные выбору темы, формулировке цели исследования и описанию его методов. Основной текст (с. 36-288) разбит на главы, посвященные функционированию в говоре отдельных падежных форм, соответственно „Общий падеж“, „Номинатив“, „Генитив“ (беспредложный и

предложный), „Датив“ (беспредложный и предложный), Аккузатив (беспредложный и предложный), „Вокатив“, „Инструментал“ (беспредложный и предложный) и „Локатив“; практически каждый из этих разделов открывает вводная и замыкает заключительная часть. В общем „Заключении“ книги (с. 289-316) суммируются сведения об употреблении падежных форм, устранении отдельных предлогов и конкуренции отдельных предлогов друг с другом, влиянии семантических и формальных факторов на сохранность флексии, отношении исследованных говоров к соседним и, наконец, вопросы проникновения в говор балканизмов и аналитизации. Завершает книгу раздел образцов транскрибированных автором диалектных текстов, список литературы (в котором, к сожалению, не нашлось места для замечательной монографии Г. А. Цыхуна (1981)), список сокращений и английское резюме. Наконец, к изданию приложена карта общины Парачин, существенно облегчающая ориентацию в пунктах исследования и географических особенностях местности.

Для формирования облика говора Парачинского Поморавья и понимания его истории и структуры чрезвычайно важно то обстоятельство, что этот говор, относясь к косовско-ресавскому диалекту сербохорватского языкового континуума, находится на пограничье с призренско-тимокской диалектной зоной (с. 14). Как пишет ав-

тор: „Говор Параћинског Поморавља настао је као резултат језичких додира, укрштања и мешања на пограничју двају дијалеката: косовско-ресавског, коме у основи припада, и призренско-тимочког, чији су говорници у великом броју вековима стизали као насељеници с разних подручја те јужне територије и чије су се поједине особине током дуготрајног и тесног суживота ових двају дијалекатских организама утискивале у његово косовско-ресавско ткиво“ (с. 28).

Поскольку область, охватенная исследованием, ограничена не изоглоссами, а административными границами общины (с. 14), было бы, как кажется, целесообразно дать информацию о возможной диалектной дифференциации на всех уровнях языковой структуры на этой территории (например, на линии Сисевац – Свойново или Стубица – Плана) и ее возможном соотношении с географическим районированием территории на равнинную (в долине Великой Моравы и ее притоков), холмистую (на востоке и западе) и горную (западная и восточная граница Парачинской общины) части (с. 14-15), а также ее связи с этнической историей региона (с. 15, 20-24). Для последней особое значение сыграли те факты, что исследуемый район находится на важнейшей коммуникационной магистрали юго-восточной Европы (с. 19), а также что современное население этой области метанастазиса в основном сформировалось из переселенцев последних пяти веков при малом числе автохтонных жителей и доминации представителей косовско-метохийского и вардарско-южноморавского, в меньшей степени динарского миграционного потока (с. 21-22). При этом, возможно, концентрация (хотя бы и первоначальная) носителей аналитических инноваций-переселенцев т. наз. южноморавского потока преимущественно в

селах вдоль Великой Моравы (с. 312) нашла бы свое отражение и на лингвистической карте. Поскольку в ряде предшествующих своих публикаций, начиная с 1985 г., София Милорадович уже представила сведения о фонетике, именной и глагольной морфологии идиомов отдельных сел общины, можно надеяться на то, что в будущем мы получим интегральное, охватывающее все языковые уровни описание диалектной ситуации на всей этой территории.

Обосновывая выбор темы исследования, помимо общей важности изучения диалектного синтаксиса, автор указывает на тот факт, что наслоение особенностей призренско-тимочских говоров на говоры с косовско-ресавской основой наиболее ярко именно в употреблении падежных форм, что позволяет детально исследовать, каким именно образом в сербские говоры проникают, распространяются и развиваются аналитические балканские языковые черты, как им уступают путь синтетические архаизмы, какие из частей падежной структуры наиболее, а какие наименее устойчивы перед наплывом аналитических инноваций (с. 29-31, 33). Осветить эти, поднятые раньше другими исследователями вопросы, и было основной целью рецензируемой книги. В свою очередь, это позволило более точно определить место исследуемого говора на диалектологической карте сербского языка (с. 33).

Следует особо приветствовать методику сбора автором диалектного материала, которая включала в себя как опрос по заранее составленной синтаксической программе (с учетом всех недостатков такого метода сбора данных по диалектному синтаксису – возможностью получения эхо-ответов или искусственных, грамматически ошибочных построений), так и сплошную выборку материала из большо-

го массива записанных на магнитофон диалектных текстов от репрезентативных для говора информантов (с. 32). Каждый пример снабжен указанием на село, в котором он был зафиксирован. Также и традиционная систематизация богатого материала по формальным признакам – отдельным падежным категориям и конструкциям – верное решение, позволяющее как сопоставление результатов с данными ранней литературы вопроса (особенно с описаниями стандартноязыковой ситуации в работах Михаила Стевановича, Милки Ивич, Даринки Гортан-Премк, Татьяны Батистич, Казимира Фелешко и др., а также и с описаниями положения дел в других косовско-ресавских говорах), так и его трансформацию в любую другую модель изучения. Тем не менее, хотелось бы видеть в книге небольшой вступительный или заключительный раздел с деklinационными парадигмами (лучше всего в форме таблиц) всех типов и подтипов существительных, а также таблицы, сводящие воедино основные синтаксические сведения, что облегчило бы ориентацию читателя в материале, а в некоторых случаях позволило бы сэкономить время при поиске нужной информации. Ситуация в говоре слишком сложна, чтобы читатель смог сразу, с первых страниц начать ориентироваться в констатациях типа „доследно се облички издвајају једно: номинатив, акузатив, вокатив и датив“ и „ипак, флективне форме свих седам падежа се чувају“ (с. 36).

Автор полагает необходимым системно различать общий падеж (ОП, формально совпадающий в говоре с акузативом) и акузатив, о которых сказано, что „их функции в этом говоре синтаксически ясно дифференцированы“ (с. 36). Речь идет, по всей видимости, о том, что предлагается отделить балканские аналитические

инновации (проникновение ОП, т.е. формы акузатива в сферы употребления генитива, инструментала и локатива), с одной стороны, от процесса расширения употребления обычных предложных конструкций с акузативом за счет других падежей с предлогами, с другой (последний процесс связан в абсолютном большинстве случаев с изменением управления ряда глаголов, с. 187). Но поскольку и этот последний процесс автор в итоге эксплицитно увязывает с балканизацией (с. 188), то, возможно, к вопросу об оппозиции между ОП и акузативом автору предстоит вернуться еще раз. Возможно, особое отдельное исследование следует посвятить также вопросу разграничения генитива и паукала в говоре (с. 60 и сл.).

В краткой рецензии нет возможности обсудить все затронутые в монографии темы, тем более что сама природа славянской категории падежа, маркирующего отношения грамматической зависимости в предложении, при ее полном и системном описании выводит исследователя к гораздо более широкому кругу синтаксических проблем. Так, тщательный анализ предикативного употребления номинатива позволил автору помимо прочего установить набор экзистенциальных конструкций говора как с глаголом *бити* (напр. *бабице несу биле, било и твоји Мутничани и Плавани*), так и с *имати* (напр. *има сад ноћу вампирџи, имало стока онда, па имала куга*), существенно отличающийся от стандартного сербского (с.38-43, 47-48, 290), а сведения об их относительной частотности позволили сделать вывод о личных конструкциях как о наиболее надежной преграде для появления здесь предикативного генитива (который в этом говоре, в отличие от других косовско-ресавских, в этой функции не отмечен). Слишком сильным утверждением в этом разделе ре-

цензент считает тезис о принципиальной невозможности употребления формы аккузатива как общего падежа с субъектным значением в этих конструкциях (в частности, по крайней мере при безличных предикатах мне кажутся принципиально допустимыми для построения вроде **тамо је било воду, *тамо је имало воду*).¹

В разделе о генитиве в самом общем плане отмечается строгая поляризация сфер беспредложного и предложного употребления этого падежа по признаку проницаемости их для аналитических инноваций (с. 291). И здесь функции падежных форм рассматриваются автором на широком фоне конкурирующих конструкций (например, изучены все способы выражения посессивных отношений в субстантивной синтагме – притяжательные прилагательные, предлог *од* + генитив и посессивный датив, отмечено отсутствие посессивных *на*-конструкций (с. 53-54, 81-82, также с. 135-142 в разделе о дативе). Дистрибуция изученных единиц представлена с учетом максимального набора ограничивающих ее факторов, семантических и формальных (включая лексикализацию). В итоге, например, оказывается, что (если устранить образования, однозначно проникшие в говор под влиянием стандартного языка, а также окаменевшие и адвербиализованные выражения) синтетический беспредложный генитив сохранился в говоре в следующих своих функциях: в адноминимальной партитивной (*сам вривлице*), в квантитативной при непаукальных числительных и существительных (напр. *раним шесет комата*), в партитивной приглагольной (*ако ћеш киселог млека*), при отрицании (*није било воде*), в практически лексикализованном виде в синтагмах типа (*прет)прошле, које године*. Интересны точные наблюдения автора над распределением и частотностью кон-

курирующих конструкций *од* + генитив, с одной стороны, и *од* + ОП, с другой, причем первая практически последовательно употребляется для обозначения родства (т.е. обычно *то ми од унуке свекрва*, и очень редко *а ма сестра от тетку*), а вторая – вместо ожидавшейся бы формы генитива мн.ч. (с. 81-82, 88). Несколькo иная ситуация с предлогом *до*, хотя общее правило меньшей употребительности синтетических форм мн.ч. подтверждено и здесь (с. 94), и при других предлогах (с. 131).

В общербалканистической перспективе кажется очень важным вывод автора о наличии семантического оттенка дистрибутивности в редких примерах употребления приглагольной *на*-конструкции (*давам там на децу ја, на ћаци слаткиши; доносим помије на свиње*) вместо синтетического датива (с. 145-146, 293); показательно полное отсутствие этой конструкции при глаголах речи (с. 150), где – в том числе и во мн.ч. – возможен лишь датив (*јавите, каже, Бошковићима*).

Беспредложный инструментал (с. 199-205) все еще употребляется в говоре в орудийном значении (где конкурирует с конструкциями *с* + инструментал и *с* + ОП), в просекутивном (*иду путем*) и в значении „носителя состояния“ (*клима рукама*). Среди особенностей говора парачинской общины с сфере функционирования инструментала с пространственными предлогами (с. 230-240) привлекает внимание поразительный факт полной замены синтетической формы общим падежом при предлогах *под, над, пред* и *међу* (тип *под љуљку змија била*) при

¹ В этом направлении указывают и случаи употребления ОП в функции логического субъекта экзистенциальных предложений в говоре Подримы (Младеновић 2002: 297).

исключительной специализации инструментала при предлоге *за* в конструкциях со значением движения за кем-л., чем-л. (тип *пође за оцем*; *потрчим за колима*). Кажется верным наблюдение автора (с. 239, 244), что это связано с необходимостью дифференцировать пространственную конструкцию от объектной, где возможен лишь аккузатив-ОП (*пођеш за девојку*; *д-цем за компири*).

Монография обогащает наши знания и о процессах вытеснения синтетического локатива из предложных конструкций. Так, для говора характерно практически полное устранение локатива при предлогах *у* и *на* (с. 249-267, 285-286), равновесие локатива и ОП при предлоге *по* (*тамо има по селу ~ збиру јаја по село*) и исключительное употребление локатива при предлоге *при* в единственных двух примерах (*при гуши носи ланчић*; *турим при руци шибицу*) и при предлогах *спрам*, *према* в единственных трех примерах (напр. *спрам нама децама је био добар*; *зависи према земље*). Поскольку мне кажется, что пример *и прича о тровање* следует трактовать не как единственный случай употребления предлога *о* в говоре, а как пример использования предлога *од* + ОП (ср. *сам от то дете и причамо*) в значении объекта речи (ср. с. 88, 280, 287), то, возможно, о предлоге *од* + ОП следует вести речь и в другом единственном примере из Ресавы (*он мене прича о ту историју*), приведенном в известном описании А. Пецо и Б. Милановича. Таким образом, выделяется своим статусом предлог *при*, который в косовско-ресавских говорах никогда не сочетается с ОП. В итоге оказывается, что среди падежей, употребляющихся с предлогами, генитив занимает особое место, поскольку не обладает ни одной конструкцией, в которую доступ ОП был бы закрыт; в отличие от него и инструмен-

тал, и локатив располагают как минимум по одному такому синтаксическому „убежищу“. В этом смысле слишком сильным кажется утверждение автора, что „Ниједно значење које се у говору Параћинског Поморавља обележава генитивом, инструменталом или локативом није остало 'поштеђено' пред налетима опште падежне форме“ (с. 302).

В заключение следует сказать об этой оставляющей очень хорошее впечатление книге, что перед нами первая монография, дающая полную и системную картину падежного синтаксиса одного подвергающегося балканизации говора в виде описания инвентаря, распределения и частотности употребления всех зафиксированных в нем падежных форм и предложно-падежных конструкций (а при необходимости и их синтаксических эквивалентов) как на фоне семантических, формальных и лексических дистрибуционных ограничений, так и с учетом „отрицательных“ сведений о формах и конструкциях, не употребляющихся в говоре. И богатство языкового материала, и методическая строгость работы Софии Милорадович могут послужить образцом для будущих исследований синтаксиса сербских и южнославянских диалектов, а точность описания и систематическое сопоставление с данными по соседним косовско-ресавским говорам позволит в будущем сделать обоснованные окончательные обобщения. Но уже сейчас очевидно, что ситуация в говорах косовско-ресавского диалекта оказалась гораздо более дифференцированной, чем это представлялось ранее.

ЛИТЕРАТУРА

Младеновић, Радивоје. Генитив именных речи у северношарпланинским и јужнометохијским говорима

– флексија и анализација // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XLV/1-2. 2002. С.291-320.

Ракић-Милојковић, Софија. Синтаксички упитник за говоре косовско-ресавске и призренско-тимочке дија-

лекатске зоне // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 41. Београд, 1995. С. 521-570.

Цыхун, Геннадий А. Типологические проблемы балканославянского ареала. Минск 1981.

Андрей Н. Соболев (Марбург)

МАЛИ ДИЈАЛЕКТОЛОШКИ АТЛАС БАЛКАНСКИХ ЈЕЗИКА

Малый диалектологический атлас балканских языков, Пробный выпуск, Андрей Н. Соболев (ред.), *Studien zum Südosteuropasprachatlas*, Band 2, Biblion Verlag München 2003, 357 стр.

У изузетно кратком временском периоду успешно је приведен крају рад на Малом дијалектолошком атласу Балкана (МДАБЈ). Пројекат МДАБЈ започет је 1996. године при Институту лингвистичких истраживања Руске академије наука у Санкт-Петербургу, а од фебруара 1999. рад на овом пројекту одвија се паралелно и при Институту за словенску филологију у Марбургу, Немачка. Одговарајући упитници (синтаксички, лексички и етнолингвистички) објављени су током 1996–1997. На теренским истраживањима према овим програмима, обављеним у периоду од 1996. до 2002, прикупљен је солидан и међусобно упоредив дијалекатски материјал (формално, семантички и функционално) несродних балканских језика.

Од 1998. у Санкт Петербургу се редовно објављује зборник радова са радних састанака истраживачке групе, до данас је изашло пет томова (*МДАБЈ, Материјали рабoчих советских*). Рад истраживачког тима са успехом је презентиран и на неколико

међународних лингвистичких скупова, а посебно на две балканолошке лингвистичке конференције, чији су резултати већ објављени: *Актуалне вопросы балканског јазыкознания*, Санкт-Петербург 2003. (материјали са међународне научне конференције одржане 29–30. маја 2001) и *Актуални проблеми на балканското јазыкознание*, *Аспекти на изследването на общобалканската лексика*, Софија 2003 (радови са међународне научне конференције одржане у Софији 30. 09–01. 10. 2002).

Од 2001. у оквиру издавачке куће Biblion Verlag излазе две серије монографских прилога везаних за МДАБЈ: *Materialien zum Südosteuropasprachatlas* и *Studien zum Südosteuropasprachatalas*. Завршетак рада на пројекту МДАБЈ планиран је за 2004. годину и требало би да садржи два тома карата: први том би обухватао синтаксичка питања, а други – лексичку материјалне и духовне културе. Уз ове карте планиран је и уводни том са исцрпно изложеном историјом досадашњих пројеката балканских лингвистичких